

ЭММА
ШИММЕРМАН

ДНЕВНИК

МЕРТВЫХ

БЫВШИХ

Здесь покоятся
мои бывшие,
разбившие
мне сердце

Эмма Шиммерман
Дневник мертвых бывших
Серия «Ток. Список на выбывание»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74465526

Дневник мертвых бывших: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-251826-3

Аннотация

Идеально для поклонников «Хороших девочек не убивают» и «Один из нас лжет».

Захватывающий студенческий детектив, сочетающий романтику, предательство и месть.

Я придумала, как они умрут. Кто-то воплотил это в жизнь.

Каждый раз, когда парень разбивает мне сердце, я делаю единственное, что помогает мне не слететь с катушек – пишу ему прощальную речь в своём дневнике. Это, знаете ли, моя фишка – закрыть гештальт через творческую скорбь.

Но теперь это выглядит как признание в преступлении. Потому что мои бывшие начали умирать. По-настоящему. И, конечно, все улики ведут ко мне.

Мой выпускной год в колледже Пембрук должен был стать временем вечеринок, свободы и ошибок, над которыми потом смеются. Но всё пошло немного не по плану: теперь я – главный

подозреваемый в серии убийств и та, кто любой ценой должен найти настоящего убийцу.

Но времени на размышления нет. Потому что список мёртвых растёт. И если я не разберусь, что происходит, следующую прощальную речь напишут уже для меня.

«Так же захватывающе, как ваш любимый сериал на Netflix: Эмма Симмерман создала историю, в которой есть и острота, и напряжение, приправленные юмором и эмоциями. Искромётные диалоги, безумная, но невероятно обаятельная героиня и интригующая тайна в центре сюжета делают это по-настоящему увлекательным дебютом». – Стейси Уиллингом, автор триллера «Мерцание во тьме»

«Какой затягивающий дебют! Свежий, закрученный и дерзкий роман, где остроумный юмор Симмерман и захватывающая интрига складываются в историю, от которой невозможно оторваться. А героиня – самая беспорядочная из всех, но именно за неё болеешь больше всего». – Дарби Кейн, автор международного бестселлера «Милая женушка»

«Дерзко, захватывающе, абсолютно затягивает! Сочетание студенческого романа и детективной интриги делает этот дебют ярким и по-настоящему увлекательным». – Холли Крейг, автор триллера «Двойное дно»

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Август	7
Глава 2	18
Глава 3	38
Глава 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Эмма Шиммерман

Дневник мертвых бывших

Emma Simmerman

HERE LIE ALL THE BOYS WHO BROKE MY HEART

Copyright © 2026 by Emma Simmerman. All rights reserved.

© Лыкова Е., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Девчонке, которой я была в двадцать один, – в итоге все сложилось хорошо

Пролог

Как склеить разбитое сердце? Если спросить гугл, он выдаст тебе список того, что надо и не надо делать, типа: избегать контактов, избавиться от всех личных вещей и памятных сувениров, найти новый источник счастья. Если спросить моих лучших подруг, они посоветуют тебе нализаться до чертиков и замутить с его друзьями. Так что каждому свое, полагаю. Нет правильного или неправильного способа исцелиться. Я сама применяю другой подход. Когда кто-то разбивает мне сердце, я достаю свой дневник и бутылку вина и пишу для него надгробную речь.

Я знаю, как это звучит – странно, жутко, ненормально, все вышеперечисленное, – но ведь этого никто не видит, кроме меня. Это мой способ поставить точку и моя терапия, потому что если ты разобьешь мне сердце – тогда ты для меня умер. Фигурально. Так что представьте мое удивление, когда все парни, разбившие мне сердце, начали умирать.

Буквально.

Глава 1. Август

Стартовал мой последний курс обучения в Пембрукском колледже – новое начало. Если бы моя жизнь была сериалом, предназначенным исключительно для показа на «Нетфликсе», это был бы первый эпизод. Я могу себе представить, как сцена открывает взору маленькую ванную в квартирке. Свет выключен, но в окна струятся лучи полуденного солнца, освещая пространство как раз достаточно для того, чтобы увидеть, как в кадре внезапно появляется моя рука, словно зомби, выбирающийся из-под кладбищенской земли. Я хватаюсь за раковину, поднимаясь с пола. Камера дает крупный план, когда я поднимаю взгляд к зеркалу и смотрю на чучело, пляшущее на меня в ответ. Я вытаскиваю из своих спутанных волос нечто похожее на обертку от соломинки для коктейля. Моя рубашка с прошлого вечера наполовину сдернута. Один пучок накладных ресниц все еще держится, другой приклеился к моей щеке. Я вздыхаю по поводу своего внешнего вида и ковыляю прочь из ванной, но камера все еще сфокусирована на том же самом месте, и в мое отсутствие на экране появляется название шоу большими жирными буквами. Интересно, что бы оно гласило. Возможно, что-то типа «Человек-катастрофа» или «Исправимая?!», с вопросительным знаком, который в последнюю секунду нашлепывается в конце слова. Зрители бы задались вопросом, как я докати-

лась до жизни такой. Они бы сформировали свое первоначальное мнение об этой героине перед ними, и, возможно, я бы им не понравилась.

Сейчас я даже себе не нравлюсь.

Я выбрасываю мысли о себе из головы, когда крадусь на цыпочках через прихожую двухкомнатной квартиры за пределами территории кампуса, щурясь от неприятного утреннего света, и заглядываю в свою постель, желая, чтобы она оказалась пуста.

На подушке рядом с моей лежат короткие светло-русые волосы. Мое одеяло поднимается и опускается от медленного глубокого дыхания. Вот дерьмо. Я вхожу в свою комнату, переступая через джинсы и рубашки – одежду с прошлого вечера, сброшенную в спешке. Я даже едва могу вспомнить, был ли у нас... Я не заканчиваю эту нежеланную мысль, когда поднимаю со своей ночной тумбочки черный кожаный бумажник и открываю его. Ник Крейн, возраст – двадцать один, рост – метр девяносто, русые волосы, голубые глаза, из Бостона. Гм. Неплохо. Я еще мгновение изучаю удостоверение личности, когда он начинает шевелиться, поворачиваясь ко мне. Я быстро захлопываю бумажник и кладу его обратно, когда он сонно открывает глаза и улыбается мне.

– Эй, – говорит он.

Он милашка, и я задаюсь вопросом, как это я никогда не видела его раньше, учитывая, что мы ровесники. Пембрукский колледж большой, но не настолько. А к последнему кур-

су ты либо знаешь, либо, по крайней мере, узнаешь в лицо почти всех сверстников. От его ленивой ухмылки у меня съезживается желудок, когда я вспоминаю, что не помню, как мы сюда попали.

– Ненавижу это делать, но я должна идти на работу, поэтому тебе придется уйти.

В действительности мне сегодня не нужно на работу; по факту я специально отпросилась на все выходные, но это вежливей, чем просто сказать ему убираться без какой-либо причины. Я начинаю шарить в своем комоде, вытаскивая то, что я бы надела на работу, если бы действительно туда собиралась. Первые выходные семестра, также известные как «Приветственный уик-энд», – это обычно безостановочная трехдневная вечеринка. Все вернулись после летних каникул, все загорелые и сияющие, и погода все еще теплая. На газоне перед каждым домом пьют люди, бары забиты битком. Готова поспорить, мои подруги уже опять на ногах и задаются вопросом, где я.

Его улыбка исчезает, когда он оглядывается, затем приподнимается на локтях.

– Сколько времени?

– Где-то два.

– Черт. – Теперь он полностью садится. – Хочешь перехватить что-нибудь перекусить перед выходом? Или хотя бы просто кофе?

Я нахожу, что в таких ситуациях лучше всего просто от-

вечать односложно.

– Нет.

Последнее, чего я хочу, – это лечиться от похмелья среди бела дня с кем-то, чье удостоверение мне пришлось проверить пять минут назад, будто я – вышибала в своей собственной спальне.

– О, о'кей. – Он собирает свою одежду с моего пола и начинает натягивать свои джинсы с прошлого вечера. – Ну, может быть, мы могли бы как-нибудь выпить?

Он встает, все еще держа в руках свою белую футболку. Я представляю себе, как мы буднично выпиваем вместе. Ему бы пришлось напомнить мне, как его зовут, я бы заказала больше одного напитка, и мы бы снова проснулись здесь.

– Может быть, – говорю я, но не планирую этого делать.

Я провожаю его до двери, переступая через ворох разбросанных по всему маленькому помещению коробок, которые мне все еще нужно распаковать. Я запинаюсь о коробку, до краев заполненную теми же самыми книгами, которые я каждый год привожу в колледж, ругаюсь про себя, когда моя голень врежется в уголок «Маленьких женщин», опрокидывая стопку. Я мысленно извиняюсь перед Луизой Мэй Олкотт и сестрами Марч, когда книга в твердой обложке падает на пол. Он оборачивается на шум, и я как бы невзначай прислоняюсь к кухонной столешнице, притворяясь, будто бы я не рухнула на нее только что. Я смотрю, как его глаза скользят по пустым винным бутылкам и контейнерам из-под еды

навынос. При мысли о том, что мне придется убраться все это, прежде чем завтра заселится моя кузина Адриенна, у меня начинает пульсировать голова. Я обхватываю себя руками, считая медленные, тошнотворные секунды, прежде чем могу откинуться назад.

Он выходит из моей квартиры на деревянную платформу перед лестницей.

– Можно мне, по крайней мере, узнать твой номер?

У него на лице такое выражение, что я чуть было не даю ему номер из жалости.

Чуть было.

– Нет, прощай, Нейт, это было весело.

– Меня зовут Ник...

– О'кей, ну все, пока-пока. – Я запираю дверь, ничего больше не сказав.

Я задергиваю шторы и ложусь в постель. Я не могу не чувствовать слабого разочарования в себе за то, что с такой легкостью вернулась к этой модели поведения. Предполагалось, что последний год будет другим; предполагалось, что я буду держать все под контролем, но вот я снова силюсь собрать воедино свои воспоминания о прошлом вечере, словно старый пазл, в котором не хватает кусочков.

Когда я наконец-то беру в руки телефон, я обнаруживаю пятнадцать пропущенных звонков от мамы и младшей сестры Клэр. Наша семья не из тех, кто общается ежедневно, – порой я разговариваю с мамой даже не каждую неделю. Они

с моим отчимом Доном и самой младшей сестрой Софи как раз были здесь в четверг, помогая мне переселиться в эту квартиру, так что же им вообще от меня надо спустя меньше чем два дня? У меня под ложечкой формируется ужас, когда я думаю, что, возможно, сделала прошлым вечером что-то, ставшее поводом для этих звонков. Я быстро просматриваю свои сообщения и профили, перестраховываясь, прежде чем ответить им.

Я пишу им, сообщая, что я на работе и только сейчас проверила телефон. Немедленно выскакивает облачко сообщения в чате от Клэр, но исчезает, затем мой телефон снова звонит. Я какое-то время не беру трубку, смотрю на ее фото на экране мобильного. На снимке она искренне хохочет, и, глядя на него, я могу слышать в голове ее смех. В уголках ее светло-карих глаз появляются морщинки, а веснушчатые щеки расплываются в невинной улыбке. Мы не похожи внешне. Мы также не похожи поведением, по крайней мере, больше нет. Раньше Клэр всегда копировала все, что делала я. Если моим любимым цветом был фиолетовый, то и ее тоже. Если я заявляла, что ненавижу брокколи, то и она тоже. Но затем я стала достаточно взрослой, чтобы пользоваться косметикой и мелировать волосы, а она – нет. Следствием стало серьезное расхождение наших характеров. Золотой ребенок Клэр и Слоан, ребенок, посланный самим Сатаной, чтобы разрушить жизнь моей матери.

Я нажимаю «отклонить вызов» и начинаю печатать.

Я сказала, что на работе, и ты можешь написать мне о том, что ты там хочешь сообщить.

Я нахожу, что лучше время от времени прибегнуть к мелкой безобидной лжи, чем вынужденно сообщать своей семье, что у меня сильное похмелье, особенно после событий прошлого года. Мне еще повезло, что Адриенны пока нет и она не лицезрит меня в этом состоянии, поскольку я уверена, что моя мама назначила ее в Слоан-патруль. Это было одно из ее условий того, чтобы позволить мне закончить обучение в Пембрукском колледже: переселиться сюда вместе с моей кухней, сдавшей на отлично экзамены в колледже, изучающей моделирование одежды как профильный предмет, держащей свою жизнь под контролем. Адриенна провела все прошлое лето в Нью-Йорке, проходя практику в «Валентино», а я в это время отрабатывала сто часов исправительных общественных работ. Мы не похожи.

Еще одно облачко сообщения от моей сестры. Я смотрю на маленькие точки, обозначающие, что она печатает. Но затем они исчезают. Мой телефон снова звонит, на этот раз это мама. Я отклоняю ее вызов тоже. Опять выскакивает лицо Клэр, и вместо ностальгии я ощущаю просто раздражение. Я беру трубку, готовая откусить ей голову.

– Ребят, у вас там что, кто-то помер, раз вы так бомбите меня звонками? – огрызаюсь я на нее.

Долгая пауза на другом конце линии.

– Эм, ну... – тихо говорит она.

Я резко сажусь в постели, отчего моей голове не становится не лучше.

– Подожди, – говорю я, приглушая голос. – Кто-то действительно умер?

Когда я слышу на другом конце линии имя Джоны, у меня начинает звенеть в ушах. От этого звона останавливается время и пульсирует в висках, и этот пульс почти заглушает остальные ее слова.

Клэр заполняет мгновения тишины между биением пульса рассказом о том, как мой бывший парень из средней школы погиб прошлым вечером в ужасной аварии. Я прикрываю рот дрожащей рукой, и все, что могу сказать в ответ, – это «ох». Мы двое вместе сидим в тишине, и я знаю, что, если бы она сейчас была здесь, она бы положила голову мне на плечо, чтобы утешить меня; я бы тогда прижалась к ней. Комната ходит ходуном, когда я склоняюсь к телефону, жалея, что ее здесь нет.

– Мне жаль, – шепчет она, когда я больше ничего не говорю. – Ты в порядке?

– Ага. Просто... – Шокирована? Сбита с толку? У меня есть еще вопросы, хотя я знаю, что она не может на них ответить.

– Ага, – выдыхает она. И я знаю, что она поняла меня без слов.

Положив трубку после разговора с Клэр, я сижу, прижав колени к груди, заставляя себя заплакать, но слезы так и не

скатываются. Я начинаю думать, что, возможно, мне должно быть стыдно за то, что я не плачу, но в каком-то смысле он уже был мертв для меня. Я написала ему надгробную речь и все такое.

Я получаю сообщение от мамы. Теперь, когда я узнала новости, она оставила попытки до меня дозвониться.

Ты в порядке?

Да, все хорошо.

Я снова встаю с постели и копаюсь в своем рюкзаке. Приходит еще одно сообщение от нее.

Ты уверена, что ты на работе? Клэр сказала, у тебя был такой голос, будто ты только что проснулась. Уже почти три часа дня, суббота. Слоан, если я узнаю, что ты тусовалась все выходные, ты вернешься домой.

Я закатываю глаза. Приходит третье сообщение.

Ты пообещала, что в этом году не попадешь в неприятности, не заставляй меня жалеть о том, что я позволила тебе вернуться.

Я хочу ответить заглавными буквами: «Я ПОНЯЛА», но не делаю этого, оно не стоит ссоры. Я нахожу свой кожаный дневник на самом дне рюкзака. Я беру его с собой в постель и открываю на первой странице, первой надгробной речи, посвященной Джоне.

Если кто не знает, я уже три года встречаюсь с Джоной. Или встречалась. Поскольку наш любимый

Джона покинул нас слишком рано в результате крушения пылающего самолета над Атлантическим океаном. Он просто взорвался, выживших не осталось, какая трагедия. Джона всегда хотел посмотреть мир. Так сильно, что однажды он просто взял и отправился на другой конец света, даже не сказав ни слова на прощанье. Буквально, он написал мне сообщение, в котором и попрощался. Если бы он просто остался здесь со мной, как и обещал, этого бы не случилось. Если бы он просто довел до конца наши планы, он бы все еще был здесь. Итак, Джона, теперь моя очередь сказать «прощай», и я сделаю это лично, а не в сообщении, поскольку я не трусиха. Хотела бы я, чтобы ты смог повидать мир, но теперь все, что ты видишь, – это дно океана. Надеюсь, оно того стоило.

Вот и она, моя первая надгробная речь после разрыва отношений. Я была абсолютно убита горем, когда мы расстались, потому что всегда думаешь, что твоя первая любовь будет длиться вечно. И у нас был план. Мы вместе отправимся в Пембрукский колледж, где я выберу английский как профильный предмет, а он будет изучать медицину. Мы заведем кучу новых друзей, но никогда не отдалимся друг от друга. На третьем курсе мы вместе переедем в односпальную квартиру и заведем щенка по имени Рокки, в честь любимого фильма Джоны. В день вручения дипломов мы подбросим наши шляпы в небо, с надеждой глядя в будущее, и, когда они упадут вниз, я оглянусь и увижу опустившегося на коле-

но Джону, держащего в руке кольцо.

За три дня до начала первого года обучения я получила от него сообщение, гласившее, что он сожалеет, но не присоединится ко мне в Пембрукском колледже; он берет академический отпуск, чтобы колесить с рюкзаком по Европе. Он сказал, что всегда будет любить меня и ценить то время, что мы провели вместе. Клянусь, никогда в жизни я так сильно не плакала. Я умоляла маму не заставлять меня отправляться в Пембрукский колледж без него, но, к счастью, у одной из нас есть мозг, и я все равно очутилась здесь. Я отписалась от него во всех соцсетях – невыносимо было даже смотреть на то, как он проводит свою жизнь без меня. Я удалила каждое его фото и видео, что я когда-либо делала, и не поддерживала связь; по факту я видела его только один раз с тех пор, как мы прекратили отношения, в баре в родном городе во время зимних каникул два года назад. Он кивнул мне и улыбнулся, я ответила тем же. Маленькое соглашение о том, что мы оба оказались именно там, где нам нужно было быть. После того как академический отпуск закончился, Джона остался за рубежом, чтобы учиться в университете в Шотландии, а я – здесь, в Массачусетсе. Словно бы между нами никогда ничего не было.

Единственное доказательство отношений – прямо здесь, в этой выдуманной надгробной речи.

Глава 2

Спустя четыре часа я захожу во «Фреско», мексиканский ресторан за пределами территории кампуса, лучше всего известный за употребление алкоголя всеми подряд и танцы на столах, и проскальзываю в кабинку с Анникой и Даниэль.

Анника приветствует меня раздраженным взглядом: я опоздала, и им пришлось ждать. Она отбрасывает свои длинные красновато-каштановые волосы за плечо и подталкивает мне через столик громадную «Маргариту».

– Так как я знала, что ты опоздаешь.

Я беру напиток, слегка поморщившись, когда бокал проскальзывает по чему-то похожему на отпечаток ноги.

– О, как же хорошо ты меня знаешь.

– Это стоило девять семьдесят пять, – говорит она.

Такова Анника Лабрант, самая богатая в нашей группе друзей, но, если ты должен ей доллар, она никогда не даст тебе забыть об этом. Возможно, именно так ее семья сохраняет богатство.

– Как насчет того, что я куплю тебе два «Лонг-Айленда» этим вечером и будем считать, что мы квиты? – предлагаю я.

– Но они стоят только четыре доллара, – возражает она.

Смехотворно, со вздохом думаю я про себя. Я вытаскиваю телефон, чтобы послать ей деньги.

Я встретила Аннику в наш самый первый день в колле-

дже на курсе письменной речи первого уровня, и мы не поладили. Ее колючие карие глаза почти всегда были прищурены, оценивая конкурентов, а губы постоянно сжаты. Но, когда тебе удастся пробиться через этот суровый, стервозный внешний вид, она в действительности оказывается отличной подругой. Такой, которая просыпается среди ночи, чтобы забрать тебя из тюрьмы кампуса, не задавая вопросов.

Даниэль Монтгомери, третья из нашего трио, допивает остатки своей «Маргариты» и со стуком опускает бокал.

– Тебе предстоит наверстать упущенное, Слоан. – Она слегка ударяет своим бокалом о мой, без слов предлагая выпить до дна.

Я делаю долгий глоток: наполовину лаймовая «Маргарита», наполовину «Сангрия». Мой любимый коктейль, и я знаю, что его заказала Анника. У нее всегда хорошо получается запоминать детали.

Меня мутит, когда по желудку ударяет ледяная жидкость, частично из-за того, что у меня все еще похмелье, но также из-за непредсказуемого чувства вины, охватывающего меня, когда я думаю о Джоне. Я попыталась забыться сном после того, как узнала новости, но, закрывая глаза, я видела только его. Что, если бы он отправился в аэропорт всего лишь на несколько минут позже? Что, если бы он ехал совсем чуть-чуть медленней? Изменило бы это что-то? Или этому суждено было случиться? Каким-то образом мне кажется несправедливым то, что я тут распиваю «Маргариту» со своими по-

другами, а он больше никогда не увидит своих друзей.

– Алло, Земля вызывает Слоан. – Анника машет рукой у меня перед лицом.

– Что? Извини, я отключилась.

– Я спросила: что с тобой произошло прошлым вечером? В одно мгновение ты была в баре, а в следующее исчезла.

– Ага, – присоединяется Дани. – Мы везде тебя искали. Ты не сказала, что уходишь. Я волновалась.

Дани всегда волнуется о чем-то или ком-то. Она была официально признана мамкой нашей группы друзей со времен первой ночи, когда мы все вместе напились в первый год обучения.

– О, ага, я в итоге притащила к себе этого парня, Нейта или Ника, как там его звали...

Я умолкаю, делая долгий, большой глоток через соломинку. Они обе нетерпеливо смотрят на меня, ожидая подробностей. Но подробности не имеют значения, потому что он не был Уэсли Маккаверном.

Когда я ничего не добавляю, Анника говорит:

– Ну?

– Не держи нас в напряжении! Как все прошло? – спрашивает Дани.

Наша группа не из скромных; мы обычно выкладываем самые интимные подробности наших эскапад даже в общественном ресторане. Никаких табу.

– Честно говоря, я не помню. Думаю, я отрубилась. – Я со

вздохом подпираю голову рукой.

Анника лишь моргает, после чего углубляется в рассказ о собственном продолжении вечера.

– Ну, я пошла домой с тем хоккеистом, о котором я вам вчера рассказывала...

– Что-то не так? – спрашивает меня Дани, игнорируя Аннику, которая теперь сверлит ее взглядом за то, что та прервала ее. – Ты кажешься... подавленной.

– У меня просто похмелье, – говорю я, помешивая трубочкой коктейль. Я размышляю о том, что, может, мне ничего не говорить им про Джону, но, если я потом так и не смогу встряхнуться, эти двое будут знать наверняка, что стряслось что-то еще. – И мой бывший парень из средней школы умер прошлым вечером, так что из-за этого я чувствую себя, ну, не знаю, как-то печально, полагаю.

Мои подруги молчат. Анника, нахмурившись, кладет свою руку поверх моей. Через столик раздражается песня «С днем рождения» на испанском, в то время как официанты коронуют именинника сомбреро. По всему залу мерцает светомузыка, а из колонок ревет музыка. Весь ресторан празднует жизнь, а мы говорим о смерти, держа в руках три громадные «Маргариты». Это кажется нелепым. Настолько сильно, что я не могу не посмеяться над выбранным моментом. И я не могу прекратить смеяться, даже после того, как музыка отключается. Мои подруги смотрят на меня с беспокойством, отчего становится только хуже. Я не знаю, в чем

причина: в недостатке сна или том факте, что я сейчас выпила еще один стакан водобавок к похмелью, но у меня бредовое состояние.

– Это у тебя сейчас какой-то маниакальный эпизод? – спрашивает Анника, убрав свою руку с моей.

Я не могу прекратить смеяться даже для того, чтобы ответить. Анника смотрит на Дани.

– Как думаешь?

Дани пожимает плечами:

– Откуда мне знать?

– Ты учишься на медсестру, – говорит в ответ Анника.

Когда мой смех утихает, я стираю наворачнувшиеся слезы и залпом выпиваю остатки своего напитка, из-за чего у меня горло перехватывает от холода.

Дани наклоняется ко мне, утешительно положив руку мне на спину.

– Ты в порядке?

Я отмахиваюсь от них.

– Все хорошо.

– Ты уверена? – спрашивает неубежденная Анника. – Если ты не в состоянии снова пойти тусоваться этим вечером, мы можем просто зависнуть у нас на квартире и посмотреть кино или типа того.

Наша квартира, то есть ее и Дани, больше не моя. Опять-таки одним из условий того, что мне позволили вернуться, было то, что я съехала из нашей общей квартиры и посели-

лась с «обществом получше», как выразилась моя мать.

– Ребят, правда, все хорошо. Это наш последний «Приветственный уик-энд» – мы не будем сидеть дома. – Я заставляю себя улыбнуться, но мне ясно, что их это не убеждает.

Анника подает сигнал официанту, чтобы он повторил заказ, прежде чем повернуться обратно ко мне:

– Твоя мама знает, что ты тусуешься в эти выходные?

Дани добавляет:

– Надеюсь, нет. Я не хочу, чтобы она ненавидела нас еще пуще прежнего.

– О'кей, во-первых, она не ненавидит вас двоих. Во-вторых, мне двадцать один год. Я могу делать все, что захочу.

– Кроме как спать с женатым профессором и получить обвинение в управлении автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, – острит Анника. Дани зыркает на нее. – Что? Слишком рано?

Перед нами ставят еще три громадные «Маргариты», и каждая из нас берет по бокалу. Я игнорирую несмешную шутку Анники.

– Это ошибки прошлого года. Это новый год, новая я. – Я поднимаю свой бокал. – За то, что мы стали старшекурсницами.

Наша троица идет по Колледж-стрит, когда над кампусом начинает садиться солнце. Я плетусь позади них двоих, опьяневшая от нашего обеда во «Фреско» и мыслей о Джоне.

Длинную дорогу окаймляют деревья, все еще зеленые после лета, и дома, нуждающиеся в срочном ремонте. Полустертые греческие буквы запечатлены на террасах с гирляндами, хаотично свисающими с балконов, а вокруг ковыляют группы первокурсников с большими рюкзаками, которые провисают после того, как этим утром они наверняка были заполнены теплыми банками и бутылками пива. На каждом дворе всюду разбросаны красные стаканчики и пустые банки из-под сельтерской воды, в то время как дневная гуляба продолжается до поздней ночи.

– Знаете, я буду скучать по этому месту в следующем году, – говорит Дани, прежде чем подколоть свои короткие русые волосы заколкой-крабом.

Как по команде, мимо нас по пешеходной дорожке пробегает босой полуголый мужик с пивной коробкой на голове, чуть не врезавшись в Аннику.

– Ты уверена? – Анника уходит с дороги, ее лицо перекошено от отвращения.

Дани смеется:

– Я просто не могу поверить, что это последняя первая предварительная пьянка с парнями в этом году. Думаю, по ним я буду скучать больше всего.

– Ну спасибочки, – говорит Анника.

Парни – Чарли, Сэм, Джейк, Эшер и Уэсли – были нашими друзьями с первого курса. Анника ходила в частную среднюю школу с Уэсли и Эшером в шикарном городке непода-

леку от Бостона, и мы быстро присоединились к их группе.

– Уэс будет здесь этим вечером? – спрашиваю я, и при мысли об этом у меня в груди екает сердце.

Анника бросает на меня взгляд через плечо и изгибает бровь.

– Почему ты спрашиваешь?

Выражение ее лица заставляет меня пожалеть о своем вопросе. У Анники есть одно правило для любой девочки, которую она представляет Уэсу: не спи с ним. Она подняла большую бучу по этому поводу на первом курсе, говоря, что ее лучшая подруга из старшей школы переспала с ним, и, когда это плохо кончилось, их больше не приглашали тусоваться с его группой. Уэсли из породы лидеров; если бы мы были в контрах с ним, мы были бы в контрах с ними всеми. Часть меня всегда думала, что это потому, что он нравился *ей*, но другая часть знает, что это потому, что дружба важнее всего на свете, и не только для нее.

– Ты сказала прошлым вечером, что он, возможно, не придет до воскресенья, вот и все. – Хотя я спрашиваю не по этой причине, я получаю ответ, как только мы приближаемся к их дому.

Уэсли Маккаверн сидит на перилах террасы, одна нога болтается, в руках у него пиво, а на голове – кепка козырьком назад. Я смотрю на него, пока мы подходим по дорожке. Он закатывает рукава своего свитшота с логотипом Пембрукского колледжа и смеется над чем-то, что сказал Чарли.

Внезапно я мысленно переношусь в то время, когда нам было восемнадцать, и я подошла к этому самому дому, и он сидел на тех же самых перилах. Он тогда улыбнулся мне, и на мгновение я забыла о Джоне, только что порвавшем со мной.

— Вот и они! — с порога кричит Чарли. — Прибыли Ангелы Чарли! — Таково его прозвище для нашей троицы.

На этот раз Уэс не улыбается, когда видит меня; по факту он быстро отводит глаза. Но тем не менее я обнаруживаю, что забываю про Джону, пусть даже лишь на мгновение.

Чарли первым приветствует нас, заключая каждую в медвежье объятие, удерживая Дани чуть дольше, чем меня и Аннику. Он спрашивает, как прошло наше лето, и внимательно слушает, когда мы рассказываем ему. Я всегда питала нежные чувства к Чарли, поскольку он, бесспорно, самый приятный из их пятерки. Всегда звонит и проверяет, чтобы убедиться, что мы благополучно добрались до дома, идеальный кандидат для глубокомысленного разговора. Он вырос в доме с четырьмя сестрами, и это сразу заметно.

За ним, засунув руки в карманы черных джинсов, следует Сэм, более тихий. Он мягко приобнимает нас и почти не смотрит в глаза, но мы уже привыкли к этому. Затем встанет Уэсли и обеими руками обнимает Аннику и Дани, ероша Аннике волосы на братский манер, что она абсолютно ненавидит. Девушки убирают его руки со своих плеч, присоединяясь к остальным членам банды и оставляя меня с Уэсли наедине.

– Эй, – говорит он, раскинув руки, и я исполняю самое неуклюжее объятие века.

Моя левая рука поднимается одновременно с его правой, в результате один из нас должен изменить направление движения, возникает странная, неловкая ситуация. Любой, кто наблюдает за этим, может подумать, будто мы только что встретились. Как будто мы не знаем друг друга уже годы. Как будто мы не переспали прошедшим летом.

В ходе нашего короткого объятия я улавливаю слабый запах его одеколона. Я всегда думала, что он пахнет как чистящее средство и дождь. Как свежее белье во время летней бури. Обычно это приятный аромат, но сейчас у меня от него болит сердце. Его глаза опущены в землю, когда мы расцепляемся, и я смотрю в сторону двери, где мои подруги беседуют с Эшером и Джейком. Анника быстро отводит взгляд, словно бы она лицемерела все это взаимодействие.

– Ну-с, как дела? – спрашиваю я, чтобы прервать молчание.

Он делает глубокий вдох и отвечает на выдохе:

– Ага, э, хорошо. А у тебя?

– У меня все отлично.

Уэс кивает, делая глоток пива и кося взглядом в сторону, в то время как заходящее солнце бросает на его лицо золотистое сияние. Я могла бы часами смотреть на то, как в его зеленых глазах мерцает свет, но я вывожу себя из оцепенения. Этот разговор себя исчерпал.

– Я пойду возьму выпить.

Я натянуто улыбаюсь и обхожу его, но он хватает меня за запястье. Нежно, словно шепот.

– Позже нам надо поговорить. – Он не говорит о чем; ему и не требуется.

Это насчет прошлого лета, уж наверняка. Я иду по их дому, воображая один конкретный сценарий этого разговора: он прокручивается у меня в голове как киносцена. В конце вечера все уйдут, и он поймает меня, когда я буду покидать вечеринку. Вокруг нас будут падать маленькие капельки теплого позднелетнего дождя, и он скажет, что все время думает обо мне и, пропади все пропадом, давай просто будем вместе. Мы поцелуемся, а дождь вокруг нас усилится, словно в сцене из романа Николаса Спаркса.

Когда я пробираюсь через гостиную, меня по голове ударяет шальной мячик для пинг-понга, выдергивая из грез наяву. Это не «Дневник памяти», это колледж. Я бросаю мячик обратно к столу, где Дани и Анника уже играют в пиво-понг¹. Я иду дальше по коридору к кухне. Подо мной скрипят половицы, и мои туфли с каждым шагом прилипают к полу. Краска кремового цвета крошится со стен, обрамленных не сочетающимися друг с другом диванами и случайными предметами мебели. Невооруженным глазом видно, что здесь три года жила группа пацанов.

¹ Игра, цель которой – попасть мячиком для пинг-понга в кружки с пивом, стоящие на половине стола соперника. (Здесь и далее – прим. переводчика.)

Я хватаю банку сельтерской воды из холодильника и, обернувшись, чуть не врезаюсь в Эшера. Он цокает языком и грозит мне пальцем, прислонившись к стене.

– Слоан Сойер, непослушная ты девочка.

Он скрещивает загорелые руки и щеголяет самодовольной улыбкой с таким видом, будто бы он только что застукал меня за каким-то запрещенным занятием.

– Эшер. – Я награждаю его натянутой улыбкой. – Если речь идет о событиях прошлого года, все уже закончилось.

Парням нравилось дразнить меня по поводу как интрижки, так и нетрезвого вождения. Я позволяла им отпускать шуточки и ждала, когда их внимание украдет следующее большое событие.

– Я видел тебя этим летом, – говорит он, подняв брови до песчано-светлых кудрей, свисающих ему на лоб.

У Уэсли и Эшера одинаковые светло-зеленые глаза, так как они кузены. И я задаюсь вопросом, как это возможно, что я таю, когда гляжу в одну пару глаз, и кипячусь, глядя на другую.

– Вы все видели меня этим летом. Я вернулась сюда на вечеринку по случаю дня рождения Джейка, помнишь? – Я пробираюсь мимо него, чтобы вернуться в гостиную.

– Я видел тебя после вечеринки, и я видел, из чьей спальни ты вышла утром.

От этих слов я останавливаюсь как вкопанная и снова поворачиваюсь к нему.

– Ты и Уэсли. Интересно.

Я иду обратно к нему, приглушив разговор до шепота.

– Думаю, ты просто слишком много выпил, Эшер. Ты не знаешь, о чем говоришь.

Он опускает взгляд на мою невскрытую банку.

– Возможно, ты просто еще выпила недостаточно. – Он щелкает язычком банки. – Расслабься, Соьер, это вечеринка, – с улыбкой говорит он, наклоняя банку к моим губам и положив руку на дверь, ведущую на задний двор.

– Подожди! – кричу я, прежде чем он уйдет. – Кто еще знает?

Он постукивает пальцем по рту, притворяясь, будто размышляет об этом.

– Думаю, только я. Пока что. – Он одаряет меня плутовской ухмылкой. Он считает, что это смешно.

– Эшер, – цежу я сквозь зубы. – Пожалуйста, сохрани это в тайне.

Он прислоняется к двери.

– А что я буду с этого иметь?

– Чего ты хочешь? – бормочу я.

Поверить не могу, что он потребует от меня что-либо, просто чтобы сохранить тайну. Но, в конце концов, это Эшер.

Ему даже не нужно время на раздумья.

– Бесплатные напитки в винном баре, где ты работаешь, в любое время, как я зайду.

Я гляжу на него разинув рот.

– Я не могу просто подавать их бесплатно. Мне бы пришлось самой за них платить.

– Как думаешь, Анника знает о том, что произошло? Или Марисса? – Мне не удастся не дрогнуть лицом, когда он это произносит. – О, ты не знала, что она и Уэс снова вместе?

– Хорошо, – скрежещу зубами я. – Бесплатные напитки.

Он так и так не покидает территорию Пембрука, так что мне, вероятно, не придется давать ему ничего бесплатного, но Эшер всегда был самым большим козлом группы без какой-либо видимой причины, так что он вполне может и заявиться.

Когда Эшер выходит через заднюю дверь, я стою одна на кухне, переводя дыхание. Уэс снова вместе с Мариссой Уайлдер. Разумеется. Разумеется! Мы были друзьями с первого курса, с чего бы этому измениться всего лишь из-за одного перепихона по пьяни? Мой разум переключается обратно на Джону, в то время как меня пронзает очередной укол чувства вины. Он умер меньше двадцати четырех часов назад, а я уже волнуюсь о ком-то другом. Но Уэс присутствует в моих мыслях, словно песня, которую ты только что открыл для себя и обожаешь. Ты проигрываешь ее снова и снова до тех пор, пока не устанешь от нее. Прошло четыре года, и я все еще не устала от нее. Я подношу сельтерскую воду ко рту и начинаю жадно пить. Затем хватаю еще одну банку.

Вечеринка сходит на нет около полуночи, когда большинство людей расходятся по барам или другим вечеринкам на дому. Анника ушла час назад в дом хоккеистов, а сейчас и Дани тоже начала собираться.

– Готова? – спрашивает она, хватая свою сумочку и перекидывая лямку через плечо.

Я оглядываюсь на редешую толпу тусовщиков и ловлю взгляд Уэсли. Он наклоняет голову в сторону лестницы, ведущей в его комнату.

– Э, нет. Может, я пойду домой. У меня сегодня просто нет настроения. – Это не совсем ложь.

Дани сочувственно хмурится.

– О'кей. – Она трет мое плечо. – Пиши мне, если тебе что-нибудь понадобится.

Я смотрю, как Чарли кладет руку ей на спину, чтобы проводить на улицу, и задаюсь вопросом, полюбит ли меня когда-нибудь кто-нибудь так же, как Чарли тайно любит Дани, с горящими желанием взглядами и мягкими прикосновениями. Он – ее запасной вариант. Ее случайный партнер всякий раз, когда ей одиноко. Я могу лишь надеяться, ради его блага, что однажды она даст ему реальный шанс.

Джейк и Сэм следуют за ними двумя за дверь, и в доме остаемся лишь мы с Уэсом. И Эшер. Стоя у основания лестницы и положив руку на перила, я оглядываю гостиную, прежде чем подняться наверх. Мне совсем не нужно, чтобы Эшер во второй раз застукал меня, когда я буду покидать

комнату Уэсли. Я задаюсь вопросом, что бы он тогда потребовал от меня. Его нигде не видно, так что я поднимаюсь по шаткой деревянной лестнице, затем иду по коридору и захожу в последнюю комнату слева. Комнату Уэсли.

Она выглядит так же, как и всегда. Только постель, без каркаса, комод, на котором стоит телик, и этот дурацкий флаг средней школы, от которого он не желает избавиться.

– Вау, мне нравится, как ты тут все переделал, – шучу я, притворяясь, будто восхищаюсь комнатой.

– На самом деле, я добавил новый флаг. Ты даже не заметила. – Он указывает на маленький американский флаг в кружке на его ночной тумбочке.

– Вау, так патриотично, настоящий националист. – Легко шутить с ним после нескольких порций алкоголя. Легко притворяться, что между нами снова все нормально.

Он начинает снимать свой свитшот, и в процессе одетая под низ футболка задирается, ненадолго продемонстрировав его обнаженные живот и грудь, и я ловлю себя на том, что пялюсь на него, прежде чем он снова одергивает футболку и бросает свитшот в корзину для белья.

– Джейк облил всего меня пивом, – говорит он, ероша темные кудрявые волосы и пристраивая свою кепку на комод. – Казалось бы, этому парню уже пора знать, как не проливать алкоголь.

Я прокашливаюсь и отвожу взгляд от его накачанных бицепсов, его рук, тех самых, что прикасались ко мне и – боже,

возьми себя в руки, Слоан.

– Итак, ты хотел поговорить?

Он пересекает комнату и садится на постель.

– Ага. – Он опускает взгляд на свои руки, затем поднимает его на меня, все еще не сдвинувшуюся с места. – Можешь присесть, если хочешь.

Он жестом приглашает меня сесть на постель, но, когда я смотрю на нее, я не могу думать ни о чем другом, кроме прошлого лета. Я медленно усаживаюсь, благоразумно оставляя дистанцию между нами.

– Мне все это кажется каким-то странным, учитывая то, что произошло, – в итоге говорит он.

Я делаю вдох, вытирая потные ладони о джинсы.

– Станным?

– Ага, мы оба так напились, что мне почти кажется, будто я попользовался тобой или типа того.

– Ты мной не попользовался. Я тоже этого хотела, – быстро говорю я, не желая, чтобы он еще хоть долю секунды считал, будто я не хотела этого. Будто я не хотела *его*.

Он кивает, прежде чем сказать:

– Я много думаю об этом.

Мое сердце бьется так быстро, что кажется, будто оно может выскочить у меня из груди.

– Я тоже, – признаюсь я, пусть даже и немного с энтузиазмом.

Внезапно его следующие слова кажутся самым важным,

что я когда-либо услышу, и все, что я могу сделать, – это с трудом задержать хрупкое дыхание.

– И именно поэтому я думаю, что это не должно повториться, – говорит он. – Нам лучше оставаться друзьями, и я просто не хочу терять нашу дружбу.

Я моргаю, когда чувство наэлектризованного ожидания превращается в острый укол потери, даже несмотря на то, что у меня не отняли ничего осязаемого. Мы просто сохранили прежний статус-кво. Мы друзья.

– О'кей, ага, – говорю я, потому что не знаю, что еще сказать. Я могла бы сказать ему то, что хочу сказать в действительности. Я могла бы сказать ему, что все время думаю о нем. Так было даже до случившегося прошлым летом. Что весь алкоголь и все другие парни – просто способ отвлечься. Но вместо этого я лгу. – Я согласна.

Друзья. Я могу дружить; мы уже давно друзья. Так почему же мне так больно слышать это от него?

Он прокашливается:

– Мне жаль насчет твоего бывшего. Анника рассказала нам, что произошло.

– Все в порядке, у меня все в порядке, – говорю я немного отрывисто. Я не хочу говорить о Джоне, не с Уэсом. Я встаю с постели. – Если это все, о чем ты хотел поговорить... – Я умолкаю.

– Ты... пойдешь в бар? – спрашивает он, вставая вместе со мной.

– Нет, думаю, я и правда просто пойду домой. В этом году я решила попробовать для разнообразия не разочаровать всех по полной программе.

Но настоящая причина в том, что после этого разговора я не могу отправиться тусоваться и притворяться счастливой. Я не могу пить и танцевать, зная, что теперь я – жертва неразделенных чувств.

Я заправляю за ухо выбившуюся прядь светлых волос. Он следит за этим движением. Этим летом он сказал мне, что ему нравятся мои волосы, особенно когда они распущенные и длинные, как сейчас; он сказал, что без ума от них. Он так сказал. Друзья не говорят такие вещи друг другу.

Его взгляд снова встречается с моим, губы кривятся.

– Знаешь, просто потому, что ты приняла несколько неверных решений, нельзя считать тебя плохим человеком.

Я чувствую, как мои брови слегка поднимаются. Он меня жалеет. Он не только не желает меня, но еще и испытывает ко мне жалость. А все, что испытываю я, – это стыд.

– Спасибо, Уэс, увидимся, – говорю я, покидая его комнату, прежде чем этот разговор станет еще хуже.

Вернувшись в свою квартиру, я достаю дневник и перелистываю его до последней страницы. На ней имя Уэсли и больше ничего. Я не видела его и не общалась с ним весь остаток лета, но ночью после того, как мы переспали, я открыла свой журнал и написала его имя. Мне больше нечего

было добавить, поскольку я не чувствовала себя расстроенной по поводу того, что произошло, и я определенно не хотела, чтобы он для меня умер. Я все еще не хочу. Я сижу, держа наготове карандаш, но откладываю его. Я подумываю о том, чтобы полностью вырвать эту страницу, но сейчас только начало года.

У него все еще куча времени на то, *чтобы разбить мне сердце.*

Глава 3

Следующим утром меня будит звук сапог на платформе, топающих по квартире.

Я едва успеваю разлепить глаза, когда мой телефон начинает вибрировать от входящего вызова от Адриенны. Цокот ее сапог достигает порога моей комнаты, и вибрация прекращается.

– О! Ты здесь, – говорит Адриенна. – Я думала, тебя не будет.

– Нет, я здесь.

Позевывая, я начинаю садиться. Я проверяю свой телефон, думая, что Уэс мог бы написать сообщение или позвонить прошлой ночью. Я почти надеялась, что этим утром меня будет ожидать долгое сообщение о том, что его слова были неискренними. Но ничего нет.

Адриенна уже наложила полный макияж на оливковую кожу лица. Ее длинные каштановые волосы волнами ниспадают на черную кожаную куртку.

– Можешь собраться за двадцать минут? – спрашивает она, прежде чем пойти в свою комнату.

– Для чего? – кричу я ей вслед.

Она снова засовывает голову в мою комнату.

– Для прощания с Джоной. Оно сегодня. Я сказала нашим мамам, что приеду с тобой обратно в Сидар-Фолс. Мне все

равно нужно прихватить кое-какие вещи из дома.

– О. – Я протираю глаза. – Я не знала, что ты туда пойдешь.

– Он был и моим другом тоже. – Она хмурится, затем снова исчезает из моей комнаты.

– Ну так, расскажи мне про свое лето! – говорит Адриенна, когда мы выезжаем на шоссе, ведущее на запад к нашему родному городу. До Сидар-Фолс час езды.

– О, ну, рассказывать особо нечего. Меня временно лишили водительских прав, как ты знаешь...

– Верно, потому что тебя арестовали за вождение автомобиля в нетрезвом виде, – говорит она.

Это будет долгий час.

– Да, – соглашаюсь я безразличным тоном. – Так что я жила дома и работала на той площадке для гольфа неподалеку на нашей улице, поскольку до нее можно дойти пешком. Я отработала сто часов исправительных общественных работ и прошла трехмесячную терапию – это была умора. Я ходила на какой-то курс по выходным на тему того, почему нельзя водить машину в нетрезвом виде. Мне пришлось вернуться в автошколу, поскольку, если срок действия твоих прав истекает, когда тебя их временно лишили, тебе приходится заново сдавать тест на вождение. Ну так вот таким было мое лето. – О, и я переспала со своим лучшим другом втайне от других моих лучших друзей, потому что, если бы они узна-

ли об этом, это стало бы катастрофой для взаимоотношений внутри нашей компании. Но этого я говорить не стала.

Адриенна молча внимала этому.

– Ого. Ну, ты рада, что все это закончилось?

Я прислоняюсь головой к окну, глядя на то, как вдали размываются деревья.

– Очень.

– Ты получала хоть какие-нибудь вести от того профессора?

Я не могу не вздрогнуть от одного только упоминания о профессоре Майлзе Холланде.

– Нет.

Я жалею о том, что в прошлом году по пьяни поделилась с ней этой маленькой пикантной новостью. Раньше мы с Адриенной были близки. В старшей школе мы были не только сводными кузинами, после того как моя мама вышла замуж за Дона, но также лучшими подругами и соседями. Когда мы отправились в Пембрукский колледж, мы начали отдаляться друг от друга. Но ты всегда питаешь нежные чувства к той самой подруге, с которой вы выросли вместе. В конце концов, мы вместе были девочками.

Когда в конце прошлого года я рассказала ей про Майлза, я заставила ее пообещать не рассказывать никому из членов семьи. Я едва могла справиться с разочарованными взглядами, которые они бросали на меня по поводу нетрезвого вождения; я не могла вообразить, что бы они сказали, если бы

они также узнали, что я была разлучницей. Разрушительницей жизнью.

– Давай просто поговорим про твое лето.

Когда Адриенна подъезжает к моему дому, я больше всего на свете ненавижу слово «Валентино».

– Я заберу тебя в пять? – спрашивает она, когда я выхожу из машины.

– Ага, отлично.

Я захлопываю дверь и смотрю, как она дает задний ход и проезжает десять секунд до своего дома. Дон и вся его семья построили дома на одном и том же обширном участке земли, и нас соединяет одна длинная подъездная дорожка. Ничто не символизирует семью так, как общая подъездная дорожка.

Мама открывает дверь и заключает меня в объятия. Я слышу, как она обнюхивает меня.

– От тебя пахнет дымом и алкоголем, – замечает она, отстраняясь и хмурясь.

– Ох, почему бы тебе не оставить ее в покое, Айрис? – Позади нее появляется мой отчим, тоже обнимая меня.

– Твои сестры наверху, – говорит мама. – Иди поздоровайся. И, пожалуйста, прими душ перед похоронами.

Я закатываю глаза, когда скрываюсь из ее поля зрения, и тащусь вверх по лестнице, чтобы повидаться с девочками.

Клэр читает книгу в своей комнате. Я огибаю угол ее большой кровати с пологом на четырех столбиках и вижу на полу

Софи, играющую на своем «Айпаде».

– О, я не ожидала тебя здесь увидеть, Соф, – говорю я.

Софи смотрит вверх на меня своими глубокими темными глазами, но ничего не говорит, просто возвращается к тому, что там у нее на «Айпаде». Она так сильно похожа на Дона, с этими ярко выраженными итальянскими чертами. Она родилась с гривой волос и летним загаром. До этого я никогда не думала, что можно завидовать младенцу.

Клэр садится в постели, отложив книгу.

– Она порой просто приходит сюда, чтобы сидеть на полу и смотреть «ТикТок».

– Вижу. – Я слегка подталкиваю Софи ногой. – Что ты смотришь?

– Демонстрации приобретенной косметики, – отвечает Софи, болтая ногами у себя за спиной.

– Косметика? Тебе только одиннадцать, – удивляюсь я.

– К твоему сведению, через шесть месяцев мне будет двенадцать.

– К твоему сведению, я это знала. Также к твоему сведению, двенадцать – все равно слишком юный возраст для косметики.

– А вот и нет, – возражает она.

– А вот и да, – возражаю я в ответ.

Софи садится на полу.

– Возвращайся обратно в колледж. Ты меня раздражаешь. Она покидает комнату Клэр и хлопает дверью.

– И вот как это делается. – Я улыбаюсь Клэр.

Она смеется:

– Знаешь, я правда не возражаю против того, что она сидит здесь. Она мне не мешает.

Хотя, даже если бы она и мешала, не думаю, что Клэр сказала бы это.

– Тогда следует ли мне позвать ее назад и сказать, что ты собираешься позволить ей поиграть с твоей косметикой?

– Не то чтобы у меня было много косметики, но нет.

Клэр не нужно пользоваться косметикой, она и без того достаточно сногшибательная.

Я обхожу ее комнату, разглядывая ее медали и награды за танцевальные соревнования.

– У тебя уже начались занятия в школе? – спрашиваю я.

– Завтра, как и у тебя.

В этом году Клэр пойдет в одиннадцатый класс средней школы Сидар-Фолс.

– Ждешь с нетерпением? – Я поднимаю тиару, которую она носила в постановке «Щелкунчика» прошлой зимой, и надеваю ее себе на голову. – Готова поспорить, в этом году ты выиграешь титул королевы выпускного, – говорю я, поворачиваясь к ней и шутливо салютую.

Она подходит и снимает корону с моей головы, кладя ее обратно на книжную полку с другими ее коллекционными экспонатами.

– Ну, не сглазь.

– Я бы никогда не сглазила!

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает она. – По поводу Джоны.

Жизнь Клэр чиста и романтична, как исполняемый ею балет. Я бы никогда не испортила ее своими проблемами. При мысли о том, что она узнала бы каждую крошечную грязную подробность моей жизни, мне становится стыдно, что я изначально могла бы когда-либо так ее подвести. Так что я не обсуждаю с ней свои чувства или переживания. Старшие сестры дают младшим советы, а не повод для беспокойства.

– У меня все хорошо, я просто приехала сюда, чтобы отдать дань уважения его семье, а затем я вернусь в колледж. Что ты читаешь? – меняю я тему.

– О, это? – Она идет обратно к постели и поднимает книгу. – Она такая классная. Я дам ее тебе, когда дочитаю. Она про мир с драконами и магией и про главную героиню, влюбленную в обоих этих мужчин, но они братья, поэтому она должна выбирать.

– Она не должна выбирать: она может любить их обоих, – шучу я.

Клэр лишь бросает на меня сердитый взгляд. Я провожу пальцем по ее комоду.

– Ну, я действительно люблю магические миры, которые заставляют меня забыть об этом мире, – бормочу я себе под нос.

– Только подумай, в это же время в следующем году ты

сама, возможно, опубликуешь нечто подобное. – Она поднимает книгу. – Бестселлер по версии «Нью-Йорк таймс», это будешь ты, Слоан.

Я не могу не улыбнуться, когда она говорит это. Мы с Клэр вместе воображали фантастические миры с тех пор, как она научилась говорить. Мы говорим о персонажах, словно бы они были нашими знакомыми. Мы любим, когда они любят, и мы плачем, когда они плачут. Мы так глубоко ощущаем слова на бумаге, что они с тем же успехом могли бы быть запечатлены на нашей коже, словно тату.

– Я уж точно попытаюсь, – говорю я.

Я так и сделаю, ради нее.

– Нервничаешь? – спрашивает Адриенна, когда мы стоим в цепочке встречающих в похоронном бюро.

– Ага, немножко, – отвечаю я, от нервов уже искусав внутреннюю часть щеки.

– Не стоит, это всего лишь Джон и Лиза.

Родители Джоны. Ее тон действует мне на нервы. «Я знаю, я знаю их лучше, чем ты», – хочу сказать я.

Когда его мать видит меня, у нее на глаза наворачиваются свежие слезы.

– Слоан? – шепчет она, словно бы не может поверить, что я действительно стою перед ней. Я киваю, когда подхожу, чтобы обнять ее. – Спасибо, что пришла. Он действительно тебя любил.

Я уверена, что в течение какого-то времени так и было. Но только таким образом, каким могут любить друг друга два ученика средней школы: слепо. Когда кажется логичным встречаться, потому что он квотербек, а ты чирлидерша. Любил бы Джона меня сейчас? Вероятно, нет.

– Сожалею о вашей утрате, – говорю я.

Затем я обнимаю его отца и выражаю свои соболезнования. Он рассеяннo кивает, отчего я задаюсь вопросом, не отгораживается ли он от всего этого. Ни одно лицо в этой цепочке людей не имеет значения, потому что ни одно из них не принадлежит Джоне.

С трясущимися руками я подхожу к гробу и смотрю вниз на его лицо. Он не сильно изменился за годы. Он выглядит так же, как тогда, когда я однажды нашла его спящим на диване после футбольной тренировки. Слезы, что я сдерживала, тихо скатываются одна за другой. Первый парень, которого я когда-либо любила, и первый парень, который когда-либо разбил мне сердце.

– Я давно простила тебя, – шепчу я.

Вернувшись в Пембрук, я не могу побороть слабое оцепенение. Я заявляюсь на свое единственное занятие в понедельник, так и не сняв пижаму, забираю учебный план для курса профессионального редактирования и возвращаюсь домой, чтобы валяться в постели. Мне звонят и Анника, и Дани, но я их игнорирую. Мне нужен еще один день, чтобы

оплакать Джону. Я достаю свой дневник и снова прочитываю надгробную речь для него, смущаясь, когда я добираюсь до конца. Неправильно хранить эту речь, не сейчас, после того как я сказала ему, что простила его. Я бросаю дневник в свою школьную сумку и иду в машину. В Пембруке есть парк, в двух шагах от кампуса, с высокими холмами зеленой травы и протекающей через него рекой. С самого высокого холма видно весь кампус.

Я ложусь там на траву, глядя вверх на голубое небо. Если существуют небеса, там ли сейчас Джона? Парит ли его дух в облаках, глядя вниз на нас? Или же он бродит по земле? Лежит ли он со мной здесь прямо сейчас? Я протягиваю руку в сторону и провожу ею по траве. В киноверсии моей жизни камера снимает меня поворотом сверху вниз. В своих глазах я вижу там его, смотрящего на меня в ответ, и моя рука лежит у него на груди. Но когда сцена возвращается к полю зрения камеры, на траве лежу лишь одна я.

Когда я решаю, что время пришло, я вытаскиваю дневник и вырываю страницу Джоны. Я хватаю из сумки зажигалку и вытягиваю руки с обоими предметами перед собой. По взмаху моего большого пальца появляется маленькое пламя как раз под надгробной речью. Я приближаю их друг к другу, пока бумага не начинает чернеть над пламенем, загораясь и распространяя огонь по всей странице. Я держу ее за уголок, пока она полностью не превратится в пепел, который уносит ветром.

Я встаю рано, чувствуя себя легче, чем вчера, словно бы сожжение надгробной речи сняло с моего сердца невидимый груз. В этом семестре основная часть моих занятий приходится на вторник и четверг, и, даже хотя сейчас неделя раздачи учебных планов, я хочу сегодня произвести хорошее впечатление. Я стою в спальне перед зеркалом в полный рост, разглаживая бежевый блейзер.

«В этом году ты получишь высшую оценку по всем своим предметам. Ты не попадешь в неприятности. Ты не позволишь никаким парням тебя доконать. Ты напишешь свою первую книгу. Ради Клэр. Ради себя». – Я записываю это и приклеиваю записку к зеркалу. Я где-то читала, что записывание своих целей помогает тебе в действительности достичь их. Я трижды повторяю цели, и под конец я почти верю в это.

Я встречаюсь с Анникой, чтобы выпить кофе, напротив здания английского факультета, в котором проходит большая часть наших занятий.

– Я все еще не могу поверить, что они не заставили тебя в этом году пересдать курс писательского мастерства первого уровня, – говорит она, хватая с прилавка свой кофе.

Рукав ее бежевого блейзера скользит вверх, и я не могу не заметить, что у нас почти одинаковая одежда. Она спросила меня, что я сегодня надену, и я прислала ей фото своей выложенной одежды. Не ожидая, что она напялит то же самое.

Я тоже хватаю свой кофе.

– Ты говоришь об этом так, будто жалеешь, что этого не произошло.

– Разумеется, нет. Я просто удивлена.

Она делает маленький глоток кофе, прежде чем добавить:

– Знаешь, я бы никогда не сдала этот предмет без тебя.

Мы прячемся под общим зонтиком, когда выходим наружу под дождь, и идем на наше первое занятие. Это была целая история, когда я пошла к декану и рассказала о своей интрижке с Майлзом Холландом. Они спорили о том, чтобы заставить меня пересдать его курс, из-за чего мне бы пришлось окончить колледж позже положенного срока. Другие профессора на кафедре прочитали мою работу, чтобы убедиться, что она была достаточно удовлетворительной, чтобы позволить мне учиться дальше. Другими словами, удостоверились, что я не зарабатывала оценки сексуальными услугами. Не то чтобы это вообще когда-либо входило в мои планы.

– Как думаешь, этот тип Реннер будет суровым? – спрашивает Анника, говоря о нашем семинарском профессоре на старшем курсе.

Мы обе изучаем английский как профильный предмет, а писательское мастерство – как второстепенный, и в течение трех лет мы вели своего рода дружеское соперничество.

– Если это так, полагаю, я могла бы просто переспать с ним? – шучу я, но она не смеется.

Наша группа состоит из тех же самых ребят, что были на курсе писательского мастерства первого уровня в про-

шлом году, может, с одним или двумя другими, кого я не узнаю. Я улыбаюсь и киваю кое-кому, пока мы входим гуськом. Лохлан Реннер – низкий и тучный мужчина в годах с седыми волосами и в бифокальных очках². Он прокашливается, сидя за столом в передней части аудитории, и поправляет очки, когда готовится зачитать список имен в руках. Мы поднимаем руки, сигнализируя о своем присутствии, пока он отбарабанивает их. Когда он добирается до моего имени, то делает паузу, хорошенько меня разглядывая. Вероятно, чтобы убедиться, что да, я – та самая девочка, чью работу ему пришлось оценить, чтобы допустить меня на этот курс. Он продолжает дальше по списку.

– Это семинар для старших курсов, – говорит Реннер, пока пишет это черным маркером на доске. – Курс на два семестра. В ходе этого курса мы будем читать и анализировать книги, и вашим промежуточным и итоговым экзаменами будет рассказ, над которым вы будете работать и который сдадите в конце года. Я выберу лучший, чтобы отправить его на Бостонский конкурс рассказов. Вопросы?

² Бифокальные очки – это очки с линзами, имеющими две четко разделенные оптические зоны: верхняя предназначена для зрения вдаль, а нижняя – для чтения и работы вблизи.

Глава 4

Вечера по вторникам называются «Дамскими вечерами» в «Таверне на Уотер-стрит», одном из баров в кампусе, где все коктейли из дешевого алкоголя стоят по доллару для девочек. Я стою у занятой барной стойки, держа в одной руке дебетовую карту, а в другой – пустой бокал. На другом конце квадратной барной стойки находятся Уэс и Марисса, и отсюда я прекрасно вижу, как она вертит в пальцах свой пепельно-светлый конский хвост, улыбаясь ему. Уэс прислоняется к стойке, его белые короткие рукава обтягивают мускулистые руки. Он поворачивается, чтобы шепнуть что-то ей на ухо, демонстрируя свою резкую линию подбородка, и Марисса смеется. Я крепче сжимаю бокал.

– Ревнуешь? – Рядом со мной к стойке прислоняется Эшер, склонив голову набок.

Я с натянутой улыбкой оглядываюсь на него:

– Ревную кого?

Он оборачивается и наклоняется, положив локти на стол, так что мы оказываемся бок о бок. Его обнаженная рука задевает мою, и я подбираю свою руку ближе к себе.

– Моего кузена, вон там, со своей девушкой.

Это подчеркнутое слово – как удар под дых.

– Вовсе нет.

– Тогда почему же ты стоишь тут и пялишься на них, сжав

бокал так, что у тебя костяшки побелели?

Я ослабляю хватку, разминая пальцы.

– Я просто жду напиток.

Эшер ухмыляется, и трудно отрицать, что он был бы таким же привлекательным, как и Уэс, если бы он не был таким придурком.

– Я тоже кое с кем встречаюсь, вот так, – лгу я.

– С очередным профессором? – задумчиво говорит он. – Что он преподает? Анатомию?

Я снова обращаю на него свой взгляд.

– У тебя есть причина ошиваться здесь, кроме того, чтобы вести себя как ушлепок?

– Вообще-то да. – Он встает, и из-за нашей разницы в росте я вынуждена задрать голову. – Я провожу маленький эксперимент.

– Мать твою, – бормочу я себе под нос, закатывая глаза.

– Прошлым вечером я спросил у Уэса, не будет ли он возражать, если я приглашу тебя на свидание.

У меня глаза практически выкатываются из глазниц.

– Чего-чего?

– И знаешь, что он сказал? – продолжает Эшер. – «А мне какое дело?»

Эти слова – еще один нож, попадающий точно в цель и причиняющий критическое повреждение.

– Он не знает, что я в курсе случившегося между вами двумя. Но знаешь, что я думаю?

Я лишь смотрю прямо перед собой, скрежеща зубами.

– Я думаю, ему есть до этого дело.

Эшер снова наклоняется, на этот раз придвигаясь так близко, что его рот практически касается моего уха, когда он шепчет:

– Очень большое.

Я отклоняюсь в сторону, с ненавистью зыркая на него.

– И в чем конкретно заключается твой эксперимент?

Он остается достаточно близко, чтобы я слышала его шепот, на этот раз он заправляет назад локон моих волос и медленно проводит пальцами по прядям.

– В том, что он работает, – говорит он, лишь взглядом указывая на то место, где все еще стоят Уэс и Марисса.

Марисса разговаривает с барменом, но Уэс пялится прямо на нас, сжав челюсти. Он отворачивается, когда наши взгляды встречаются.

Эшер уходит прочь, несомненно довольный гребаной игрой, которую ведет, а я заказываю две порции коктейля, обе двойные и обе для меня.

Я возвращаюсь к столикам, занятым нашей группой, и сажусь между Анникой и Дани.

– Что это Эшер тебе нашептывал? – спрашивает Анника, когда я сажусь.

– Ага, мы обсуждали, прийти ли тебе на помощь, – говорит Дани.

– Ничего особенного, лишь свою обычную омерзительную

хрень. – Я смотрю через столики на Эшера, который все еще сидит там и ухмыляется. Он подмигивает мне, и я внутренне испытываю рвотный рефлекс. – Он такой надоедливый. Почему мы вообще так долго терпели его в компании?

Анника откидывается назад на сиденье.

– Потому что он кузен Уэсли и, несмотря на то что он нам не нравится, парням он по душе.

– И потому что он горячий, – добавляет Дани. Мы обе фыркаем на нее. – Что? Это правда.

Анника фыркает:

– Ты забыла тот раз, когда мы шли к их дому под проливным дождем и он проехал мимо нас, сигналив клаксоном, вместо того чтобы подвезти нас?

– Или когда страница сплетен Пембрукского колледжа опубликовала мою фотографию под арестом за пьяное вождение и в итоге выяснилось, что это *он* ее послал, – добавляю я.

– Ну, да, я ведь не сказала, что он добр по отношению к нам; я просто сказала, что он выглядит вполне ничего.

– Сменим тему, – говорю я. – Как твои занятия на этой неделе, Дани?

– В то время как вам, ребят, на этой неделе раздают учебные планы, на всех моих занятиях мы сразу погрузились в материал. Но в этом году у меня будет клиническая практика, и я так взволнована. А что у вас?

– Наше единственное волнующее занятие – семинар для

старших курсов, – говорит Анника.

– Ага, наш профессор заставляет нас всех написать рассказ, и в конце года он подаст лучший на Бостонский конкурс рассказов, – добавляю я.

Лицо Дани озаряется.

– Правда? Это будет так здорово для вас, ребят!

– Ну, победит только одна из нас. – Анника смотрит на меня, и я вижу в ее глазах соревновательный огонь.

– Вполне возможно, не победит ни одна из нас, – говорю я, пытаюсь его погасить.

К столикам возвращается Джейк с подносом стопок, заполненных прозрачной жидкостью.

– Что это? – спрашивает Сэм, не решаясь взять одну.

– Понятия не имею, – говорит Джейк.

Смысл его жизни – хаос, и это сразу заметно. Порой я думаю, что, возможно, Джейк – единственный в этой группе друзей, кто принимает больше безрассудных решений, чем я.

Чарли берет одну и спрашивает:

– Ты не знаешь, какие напитки ты заказал?

– Я велел бармену удивить меня. – Джейк лучезарно улыбается. – Счастливого первого «Дамского вечера» в этом году, девчонки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.